

УДК 316.77:001.12/18;070:001.12/18
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-79-86

ПРОБЛЕМА ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Горбунов А.С.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье с социально-философских позиций рассматривается вопрос о противоречии нынешних форм институализации средств массовой коммуникации (СМК) в массовом информационном обществе и тех властных полномочий, которые они фактически приобретают. Отмечаются возможные последствия недостаточного внимания к данной проблеме для развития общества. Выявляются наиболее актуальные аспекты воздействия СМК на общество в качестве субъекта, обозначенного как «четвёртая власть». Предлагаются некоторые направления, на которых могла бы быть осуществлена гармонизация деятельности СМК в современном обществе. Автор говорит об опасностях социально-политических практик, не учитывающих проблематику институализации и последующей конституализации СМК.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, общество, институализация, личность, конституализация, информация, власть, воздействие, безопасность, свобода.

THE ISSUE OF MASS COMMUNICATION MEDIA INSTITUTIONALIZATION

A. Gorbunov

*Moscow State Regional University
10a Radio Street, 105005, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the conflict of institutionalization of mass communication (media) in the information society and the authority they really gain. The possible social consequences of insufficient attention to this issue are considered. The most relevant aspects of the impact of the mass communication media referred to as the «fourth power» on society are revealed. Some directions in which the harmonization of mass communication media activities in modern society could be implemented are suggested. The author warns against some social and political practices which do not take into account the problems of institutionalization and subsequent constitutionalization of mass communication media.

Key words: mass communication media, society, institutionalization, personality, constitutionalization, information, power, impact, safety and freedom.

Характеризуя современный социум как массовое информационное общество, необходимо учитывать особенности его сущностных составляющих. Как это очевидно, распространение, оборот информации, владение информацией и

её обобществление – все эти важнейшие процессы происходят с непосредственным участием средств массовой коммуникации (СМК).

Более того, на сегодняшний день в информационном обществе основные параметры социально значимой информации устанавливаются именно в рамках деятельности основного субъекта информационного процесса, то есть в рамках деятельности СМК (в западной традиции – «медиа», или «масс-медиа»).

Именно СМК задают контекстную среду, направление дискурса, аксиологическую шкалу по всему спектру актуальных для общества вопросов [1; 2; 3; 4; 5].

Столь масштабные задачи, как фактическое конституирование основополагающих смыслов, «конституирование» общества на ментальном уровне – будь то «охранительное», либо «революционное», – предполагают фундаментальный характер воздействия на базовую структурную единицу социума, то есть на человеческую личность.

Следует отметить, что на это указывали ещё основоположники изучения масс-медиа (СМК) П. Лазарсфельд, М. Чукас, И. Клаппер, У. Липпман, П. Бурстин, Р.О' Хара, Ж. Эллюль.

Такое воздействие, по сути, является управлением человеком с помощью распространения информации через вариативную систему современных СМК. Ключевым словосочетанием здесь, несомненно, следует считать «управление человеком».

Таким образом, перед социальной философией встаёт вопрос о противоречии фактического бытийствования определённого субъекта (СМК), как

управляющего человеческой личностью, и его неопределённостью именно в качестве управляющего общественного субъекта.

Возможность управлять означает возможность обладания властью и даже прямо обладание властью. Между тем среди дефиниций, даваемых сегодня СМК и их подвидам (телевидению, сетевым СМИ и агрегаторам, радио и печатной прессе), мы никогда не встретим определений, связанных с властными полномочиями указанного субъекта. В лучшем случае обсуждение может быть исчерпано упоминанием термина «четвёртая власть» по отношению к медиа, возникшего ещё в XIX в. Первоисточник – знаменитое упоминание шотландским философом Томасом Карлайлом оценки, которую дал в конце XVIII в. британский философ и политик Э. Бёрк: «... Существовало три ветви власти; но на репортёрской галерее сидит ныне Четвёртая власть, более важная, чем все другие» [8]. Нельзя не упомянуть также схожие слова английского историка и политика Томаса Маколея: «Галерея (*специально отведённое в парламенте место для представителей прессы. – авт.*), где сидят репортёры, стала Четвёртой властью Империи» [8].

Следует при этом признать, что сама по себе идея о медиа, как о «четвёртой власти», дополняющей законодательную, исполнительную и судебную ветви власти демократического государства, до сих пор остаётся одним из ценных открытий в осмыслении деятельности СМК. Однако более чем на декларативное, а в ряде случаев – и пропагандистское, использование названного определения чаще всего рассчитывать не приходится. Упоминание

о «свободных СМИ», как о структурной и неотъемлемой части общества, балансирующей демократический процесс, к сожалению, превращается в идеологическую «мантру», оторванную как от реальной практики, так и от осмысления теоретических и фактических параметров функционирования системы СМК-СМИ.

Исходным пунктом рассуждений здесь могло бы стать указание на медиа (СМК) именно как на власть, пусть и на «четвёртую», а также актуализация представления о власти как о чём-то, что управляет и даже принуждает в ситуации неповиновения. Очевидно, следует согласиться, что в данном случае мы говорим о сути явления, а не о тех методах и принципах, на которых выстроено данное фундаментальное воздействие на социализированного человека.

Изначальной и, как видится, не совсем верной традицией является такое представление о «четвёртой власти», согласно которому она является неким неформальным феноменом, чья деятельность оценивается исходя из критериев разумности, моральности, социальной ответственности и т.п.

Однако со временем становится всё более очевидным, что вся совокупность данных критериев лежит скорее в плоскости наших пожеланий по отношению к деятельности СМК, но вовсе не с тем рядом незыблемых и несомненных ориентиров, которыми в своей деятельности должны руководствоваться управляющие уровни медиасферы.

Очевидно, по-другому и не могло быть, так как перед нами мало обсуждаемое в целом и никак не переводимое в область специализированного

обсуждения противоречие между властной природой СМК и её неформальным, а, значит, мало регламентированным и мало к чему обязывающим статусом.

К слову, отсюда может происходить не только безответственность, проявляемая в их деятельности, но и та лёгкость, с которой СМК могут становиться на службу олигархическим группировкам либо диктаторским режимам.

Вопрос состоит в полноценной институализации СМК в социальной и государственно-правовой системе, в официальном признании за ними властных полномочий (а, значит, и повышенной ответственности), конституализация СМК. Это необходимо как для сверхмасштабной аудитории, вовлечённой в массовую коммуникацию, так и для самих средств коммуникации.

Подобная постановка вопроса выглядит оправданной по нескольким причинам. Во-первых, по мере развития силы и комплексности воздействия СМК на человеческую личность и на общественные процессы, всё менее объяснимым становится неопределённый, неоформленный статус СМК.

Во-вторых, деятельность самих СМК, в том числе отстаивание ими собственной независимости, становится затруднительной как в ходе взаимодействия с конституциональными институтами, так и в случаях давления со стороны олигархических или даже полукриминальных структур.

Некая двусмысленность, сопровождающая статус нынешних СМК, вносит искажения в осуществление личностью собственных фундаментальных прав и свобод. По существу,

она нарушает прозрачность межинституциональных отношений, а также и возможность легитимного установления баланса сил в демократическом обществе.

Необходимо отметить, что в ряде случаев реакцией на постановку подобных вопросов становится недосказанность, связанная с недальновидным (либо прагматичным) преуменьшением значимости высказываемых опасений.

Для того чтобы представлять, о чём идёт речь, можно привести в пример часть текста из заметки «Четвёртая власть», размещённой в электронном ресурсе «Википедия», претендующем на всеобщую «энциклопедичность»: «... Термин «четвёртая власть» является лирическим и отражает лишь огромное влияние СМИ на общество. При этом СМИ не имеют реальной власти, так как не имеют законного права насильно принуждать к совершению какого-либо действия, например, к уплате штрафа» [7].

Заметим, что приведённая аргументация характеризуется крайней слабостью. Так, скажем, законодательная власть тоже никого не может принуждать к совершению каких-либо действий. Однако законодатель, создавая рамочные условия правового пространства, различного рода кодексы, содержащие диспозиции и санкции, предопределяет возможность применения принуждения со стороны исполнительной власти – в первую очередь по отношению к тем, кто закон не соблюдает.

Однако и деятельность СМИ во многом создаёт предпосылочные условия для совершения личностью, социальными группами и всем обще-

ством определённых действий. И то, что данное воздействие мы не всегда можем отождествить с принуждением, не меняет суть обсуждаемой проблемы. Конечно, журналист с ноутбуком, яркая телеведущая или группа неформальных блогеров мало похожи на отряд жандармерии, который «тащит» «нарушителя порядка» в участок.

Вместе с тем, когда мы говорим не о блогере-одиночке, а о сложившейся системе современных СМК, становится понятно, что их формы и методы воздействия, построенные на передовых информационных технологиях, на полномасштабном соприкосновении с личностной структурой, – всё это содержит такие возможности влияния, которые никоим образом не могут быть описаны термином «лирический».

Тем более, на данный момент к области хорошо изученных и проявивших себя на практике относятся те мощные информационные воздействия на массовое сознание, которые уже имели место в истории человечества за прошедшее столетие. Причём, по мере своего развития СМК приобретали всё больший вес в таких областях, как формирование общественного мнения, выбор ментальных установок, политических, мировоззренческих предпочтений.

Сейчас в России у всех на слуху «феномен Майдана», то есть та духовная, социально-экономическая и политическая катастрофа, которая произошла в соседней стране в результате мощного выплеска хорошо контролируемой и канализируемой энергии социального протеста и недовольства. При этом основные усилия «агентов влияния», зарубежных НКО, как и шедшего с ними

рука об руку украинского олигархата, были сосредоточены на деятельности СМК. Не секрет, что на Украине давно состоялось и приобрело статус данности феодально-олигархическое распределение ведущих телеканалов и информационных агентств.

Система современных украинских СМИ создала новый срез массовых стереотипов, установок, предпочтений, желаний, недовольств и т.п. На результат работали все – от ведущих киевских телеканалов до малых областных и даже районных газет. Армия журналистов, находящаяся в постоянном контакте с указанными выше НКО и стимулируемая ими, добилась ощутимого эффекта. В сознании большинства украинцев, в первую очередь в сознании молодёжи, чьё мировоззрение находится в стадии формирования, произошёл перелом. Те, кто веками воспринимались как братья, превратились в лютых врагов, а нацистские преступники с радостью были восприняты как новые национальные герои.

Падение же жизненного уровня на порядки, узурпирование власти олигархическими кланами, гражданский конфликт в форме братоубийственной войны, безумная по характеру и по сути героизация нацистских преступников – всё это продолжает либо активно, либо молчаливо приветствоваться и восприниматься в качестве «победы демократии» и «национального достоинства».

Каким образом общество и государство может предотвратить подобные сценарии? Один из путей – активное участие государственных структур в регулировании процессов, происходящих в информационном пространстве.

Такое регулирование может давать эффективные с точки зрения повседневной практики государство-строительства результаты и иметь существенный потенциал контроля за разрушительными тенденциями в медиапространстве.

Вместе с тем, позитивная оценка прямого госрегулирования в сфере СМК имеет серьёзные возражения. Понятно, что идеального государства не существует, и в своей деятельности гоббсовский Левиафан, как правило, стремится навязать человеку те установки, которые необходимы для его собственного существования. Поэтому всегда и везде общество, претендующее на демократические принципы, отстаивает независимость СМК от государства.

Однако требует уточнения и декларируемая независимость СМК («четвёртой власти»). Может ли быть неподотчётным властный по своим фактическим возможностям институт? Очевидно, что за ширмой независимости могут использовать свои возможности теневые структуры влияния.

Другим способом решения проблемы мог бы стать контроль за деятельностью СМК уже не со стороны государства, а со стороны общественных структур. Прошедший этап развития и формирования медиа в наиболее «продвинутых» в информационном отношении странах был означен попытками установления общественного контроля за СМК. Так, в Британии, Франции, Германии реализовывалась в разных формах практика общественного наблюдения за деятельностью ведущих телеканалов.

Однако «зарегулированность», недостаточный вес, непрозрачность

формирования всевозможных «наблюдательных советов» привела к не слишком большой эффективности начинания.

На сегодняшний день мы являемся свидетелями того, что ведущие национальные, а тем более – глобальные, медиа выполняют волю политико-экономических элит, осуществляющих властные функции в отдельных странах и в межгосударственном пространстве.

«Современные средства массовой информации, – отмечает Ж. Бодрийяр, – основываются на симулякрах третьего порядка. Реальность проникает в представления современного человека в режиме прямой трансляции, обеспечиваемой радио-, телевидением и интернетом. В пространстве аудио- и визуальных образов меняющаяся виртуальная временная динамика массмедийных коммуникаций оказывается способной влиять на ритмику реальных социальных процессов, на деятельность по публичной легитимации общественных отношений, институтов» [2, с. 13].

Примеры многочисленны и повседневны. В частности, в нынешней ФРГ, по существу, запрещено обсуждение в негативном ключе темы беспрецедентного наплыва мигрантов, ставшего государственной политикой руководства. А в глобальных медиа существует, как это понятно, централизованная повестка дня, и всякий, кто не согласен с таким подходом, покидает или будет вынужден покинуть ряды сотрудников таких прославленных новостных брендов, как *CNN*, *BBC* или *Euronews*.

Ситуацию в некотором смысле спасает до сих пор ещё не слишком «простроенная» среда Интернета, где ак-

тивные блогеры имеют возможность распространять информацию более независимо. Однако и здесь ситуация не проста, так как в блогосфере развёрнута сложная борьба с участием целых армий блогеров, прямо стоящих на довольстве у государств либо транснациональных структур. Боевые информационные кибер-подразделения созданы на сегодняшний день в США, Китае, иных странах [1].

Кроме того, в частности, по российскому законодательству, блогер, имеющий более 5000 подписчиков, приравнивается к официальному СМИ, а, следовательно, его деятельность может регулироваться государством. Разумеется, это необходимость, так как ни в каком случае нет гарантий, что деятельность такого информационного субъекта не может быть руководима некими деструктивными намерениями или силами.

В целом же, по-настоящему независимое блогерство, подобно тому, как ещё вчера попытки создания «самодеятельных» небольших газет, позднее – сайтов, не в силах существенно воздействовать на основные информационные тенденции. Их задают ведущие СМК, расположенные на данный момент в первую очередь в сетевом и эфирном пространстве. В итоге информация, являющаяся структурной тканью информационного общества, в любом случае всё более отчуждается от личности, то есть от базовой составляющей общественного бытия. Всё более возрастает риск такого применения СМК своих властных полномочий, которое может наносить человеку никак не контролируемый и ничем не ограниченный вред.

Особую актуальность это приобретает в свете оценок информационного общества, высказанных академиком

Н.Н. Моисеевым, который справедливо связывал информационное общество «не только с электронной и компьютерной инженерией, которая есть лишь одна из его предпосылок», а с «качественно новым этапом развития цивилизации». По его мнению, информатизация общества приводит к появлению «новой культуры, меняющей постепенно весь облик не только производственной, но и духовной жизни человека» [3, с. 7].

Возможно, единственным выходом из создавшейся ситуации стало бы признание СМК Четвёртой властью, уже без кавычек и без всяких намёков на некий «лиризм» и преувеличенность данного понимания [6].

Такое введение системы СМК в ряд ветвей власти, лежащих в основе классической трактовки демократического общества, помогло бы снять многие проблемы, связанные как с вопросом независимости самих СМК, так и с возможностями контролировать их деятельность обществом и государством. Контролировать при этом уже в рамках

специально созданного законодательства с помощью избирательной, законодательной, исполнительно-процессуальной и надзорной процедур, призванных гласно и открыто решать наиболее острые проблемы, возникающие в ходе масс-коммуникационных процессов.

Не стоит отрицать, что на пути реализации такого рода трансформации СМК встанет немало трудностей. Они связаны с такими вопросами, как принцип формирования руководящих подразделений многочленных СМК, имеющих в своей работе творческую составляющую, порядок согласования деятельности этих СМК в рамках общей информационной системы, формирование и принцип организации высших координирующих органов системы СМК. Все эти сложные вопросы потребуют своего рассмотрения и решения. Но, как видится, будущее массового информационного общества неизбежно связано с решением проблемы незавершённой институализации и последующей конституализации СМК.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В России созданы кибервойска [Электронный ресурс] // Vesti.ru [сайт]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1573024> (дата обращения: 11.01.2016).
2. Клинкова Д.А., Фащенко А.Н. Дискурсивные особенности осуществления легитимации в информационном обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 4. С. 13–29.
3. Моисеев Н.Н. Информационное общество: возможности и реальность // Полис. 1993. № 3. С. 7–21.
4. Панарин И.Н. Информационные войны и Россия // Информация. Дипломатия. Психология. 2002. С. 130–159.
5. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: Изд-во МПСИ, 2003. 496 с.
6. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. 852 с.
7. Четвёртая власть [Электронный ресурс] // Википедия (Свободная энциклопедия). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Четвёртая_власть (дата обращения: 10.04.2016).
8. Carlyle T. The Hero as Man of Letters. Johnson, Rousseau, Burns. Lecture V, May 19, 1840. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/carlyle/heroes/hero5.html> (дата обращения: 10.05.2015).

REFERENCES:

1. V Rossii sozdany kibervoiska [Cyber Forces are Created in Russia [Electronic resource] // Vesti.ru [website]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1573024> (request date: 11.01.2016).
2. Klinkova D.A., Fashchenko A.N. Diskursivnye osobennosti osushchestvleniya legitimatsii v informatsionnom obshchestve [Discursive Features of Implementing Legitimation in Information Society] // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2014. No 4. Pp. 13–29.
3. Moiseev N.N. Informatsionnoe obshchestvo: vozmozhnosti i real'nost' [Information Society: Potentials and Reality] // Polis. 1993. No 3. Pp. 7–21.
4. Panarin I.N. Informatsionnye voiny i Rossiya [Information Warfare and Russia] // Info. Diplomacy. Psychology. 2002. Pp. 130–159.
5. Rastorguev S.P. Filosofiya informatsionnoi voiny [The Philosophy Of Information War]. M., Izd-vo MPSI, 2003. 496 p.
6. Serov V.V. Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazhenii [Encyclopedic Dictionary of Popular Words and Expressions]. M., Lokid-Press, 2003. 852 p.
7. Chetvertaya vlast' [The Fourth Power] [Electronic resource] // Vikipediya (Svobodnaya entsiklopediya) [Wikipedia (the Free encyclopedia)]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Четвёртая_власть (request date: 10.04.2016).
8. Carlyle T. The Hero as Man of Letters. Johnson, Rousseau, Burns. Lecture V, May 19, 1840. [Electronic resource]. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/carlyle/heroes/hero5.html> (request date: 10.05.2015).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Александр Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: gorbunoff@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander Sergeevich Gorbunov – PhD. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Moscow State Regional University;
e-mail: gorbunoff@list.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Горбунов А.С. Проблема институализации средств массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 79-86
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-79-86

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Gorbunov The Issue of Mass Communication Media Institutionalization // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 2. P. 79-86
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-79-86